

СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Существенным фактором генезиса и формирования властных отношений (властеотношения) является формирование мотивов согласования действий отдельных лиц и социальных групп, предполагающего функциональное разделение субъектов общественных отношений на ведущих (властвующих) и ведомых (подвластных). Содержание мотивов может быть разнообразным, их целевая направленность – это создание и поддержание определенного порядка и устойчивости в системе функционирования общественных отношений.

Поддержание порядка предполагает собой решение проблемы социальной энтропии. Потребность преодоления энтропийных процессов выражается в стремлении к порядку и регуляции общественных отношений. Посредством механизма господства-подчинения создаются необходимые общественной трансформации («трансформационная способность» власти) условия для обеспечения взаимодействия отдельных социальных групп, согласования их интересов. Преодоление социальной энтропии есть результат реализации системообразующего потенциала власти. Императив в построение порядка является внутренним, содержательным призывом, структурирующим систему отношений власти-подчинения. В этом контексте власть выступает атрибутом цивилизации вне зависимости от степени исторического развития и региональных специфик.

Отличительная специфика властных отношений заключается в том, что они основаны на применении или угрозе применения принуждения. Именно наличие возможности принудить другое лицо отличает субъекта, наделенного властью. М. Вебер определял власть как способность индивида добиться от другого индивида такого действия (или воздержания от действия), которое без этой способности не было бы принято. Механизм властного принуждения предполагает наличие, с одной стороны, воли властвующего субъекта, а с другой – осознания участниками сущности властных предписаний. Реализация власти предполагает детерминацию воли к принуждению подвластных субъектов к совершению тех или иных действий. Поэтому Ф. Ницше отмечает, что

власть – это воля и способность к самоутверждению¹. Проблема осознания отношений господства-подчинения предполагает определенный интеллектуальный процесс², в рамках которого реализуется идентификация участниками своего к той или иной стороне в системе отношений господства-подчинения: ведущая сторона осознанно принимает на себя властные функции, ведомая сторона сознательно соглашается с подчинением.

На определенном этапе усложнения структуры общества обрисовывается потребность в иерархии воли ведущих субъектов, а также осознания этой иерархии со стороны как ведущих, так и ведомых. В конечном итоге это приводит к выявлению не подчиненных никому субъектов, наделенных верховной властью, иными словами, суверенной властью. В. Орландо отмечал, что «обыкновенно суверенитет определяют как источник всякой публичной власти, как верховное право, в котором все другие частные права находят свой синтез и свое общее обоснование...»³.

Государственная власть является ответвлением, разновидностью публичной власти и отличается рядом специфических признаков, в том числе следующими:

- имеет всеохватывающий характер, т. е. распространяется практически на все сферы жизни общества;
- суверенна (независима) от других видов власти, кроме власти народа (в демократическом государстве);
- реализуется особым субъектом – государственным аппаратом;
- обеспечивается угрозой применения принуждения, юридической ответственности в отношении тех, кто добровольно не исполняет ее требований, предписаний, выраженных в праве и т. д.

Суверенность государственной власти предполагает неподчиненность субъектов государственного управления иным субъектам. Государственная власть – это концентрированное выражение воли и силы государства (как суверена). Она обеспечивает стабильность и правопорядок путем использования различных методов, в том числе государственного принуждения. Государственное принуждение – это психологическое, материальное или физическое (насильственное) воздействие полномочных органов и должностных лиц государства с целью заставить (принудить) ведомый субъект действовать по воле ведущего в интересах государства. В деятельности государства государственное принуждение выступает как механизм преодоления энтропийных процессов в обще-

ственных отношениях, охватываемых сферой применения государственной власти. Государственная власть выступает консолидирующим началом политической системы общества. Не случайно Б. Н. Чичерин отмечает, что именно государство «берет на себя исполнение той совокупной цели, которая осуществляется совокупными силами»⁴. Данная трактовка целей реализации государственной власти, в том числе и применения государственного принуждения, позволяет обрисовать государство как институт, призванный обеспечивать социальный интерес. Не случайно, что во многих западноевропейских странах синонимом государственного органа является словосочетание «социальный орган», а государственное управление отождествляется с публичным управлением⁵. В Федеративной Республике Германия публичное управление «рассматривается как деятельность и функция организованной государством социальной системы органов».

В классической теории суверенитета утверждается, что государственная власть реализуется только в процессе деятельности государственных органов и учреждений, образующих механизм (аппарат) этой власти. Аппарат власти – это тот самый государственный механизм, который наделяется государственно-властными полномочиями и в котором концентрируется принудительная сила государства. В теории суверенитета существуют разногласия о соотношении «суверенного статуса» государства и государственной власти (как государственного аппарата). В рамках формально-юридического или фактического подхода идет отождествление суверенитета и государственной власти: «Суверенитет – не лозунг (принцип) и не признак или свойство государства. Суверенитет есть сама государственная власть, качественно полноценная и функционально самостоятельная»⁶.

Отождествление суверенитета с государственной властью имеет существенный недостаток. Государственный суверенитет есть не сама государственная власть, а ее «организационно-политический и функциональный принцип» и атрибут⁷. Государственная власть реализуется в той или иной степени отдельными органами аппарата государства, признание которых суверенами недопустимо. Государство в целом как официальный представитель всего общества, а не его отдельная составная часть, наделяется суверенитетом. Государственная власть «производна» от своего субъекта, т. е. государства. Суверенность государственной власти обуславлива-

ется статусом государства как суверена. Анализ истории развития государственности дает достаточное подтверждение того, что объем и степень суверенности государственной власти предопределялся особенностями политико-правового статуса, закрепляемого за государством на различных исторических этапах и в отдельных обществах⁸.

Признание производной суверенности государственной власти противоречит содержанию народного суверенитета⁹. Суверенитет является важнейшим сущностным признаком именно государства, а не такой вторичной по отношению к нему категории, как государственная власть. Государственная власть, наряду с государственным суверенитетом, является таким же сущностным признаком государства¹⁰.

В теории суверенитета доминирующей является именно позиция о наделении государственной власти «всеобъемлющим характером» в силу ее верховенства¹¹. Обоснованность данного тезиса на современном этапе развития государственности ставится под сомнение постепенной утерей государственной властью «монополизма» на принуждение, универсальность и исключительность. Смешивание свойств государства как суверена и государственной власти заводит в тупик при попытке обоснования легитимности и легальности последней. Легитимность и легальность – два оценочных критерия, позволяющих дать адекватное заключение о содержании и сути власти в данном обществе и государстве¹².

Следует различать легальность и легитимность власти. Понятие «легализация» (от лат. *legalis* – законный, юридический) обозначает процесс придания законного характера какому-либо факту. Легальность предполагает лишь формально-юридический фактор формирования и реализации власти. Легальность государственной власти означает законность ее формирования и функционирования¹³.

В некоторых случаях легальность власти трактуется как узкое понимание легитимности власти. Данный подход методологически необоснован. Если легальность отражает лишь формальное соответствие процесса формирования и функционирования власти установленным правовым нормам, то легитимность выступает как фактор этико-правовой обусловленности государственной власти¹⁴. Понятие «легитимация» (от лат. *legitimatío* – узаконение) обозначает процесс признания соответствия фактического меха-

низма формирования государственной власти конституционно-правовым и международно-правовым нормам, а также и этическим ценностям, доминирующим в данном социуме. Легитимность власти предполагает как соответствие определенным формально-юридическим критериям детерминации властной воли, так и соответствие этической оценке населения, выносимой в ходе осознания со стороны последней содержания и сущности государственно-властных отношений. По итогам такой оценки осуществляется признание авторитета государственной власти большей частью населения, осознанное и в определенной степени добровольное подчинение законным требованиям субъектов власти. Легитимность власти – это признание и одобрение обществом или его большей частью авторитета власти и права управлять¹⁵.

Легитимность является одним из важнейших свойств, характеризующих власть, и представляет собой качественную характеристику специфического состояния политической и правовой систем, где «существующий порядок властных отношений обеспечивает возможность направлять действия всех социальных субъектов с минимальным использованием средств и технологий принуждения и насилия»¹⁶.

Юридическими формами процесса легитимации можно признать институты прямой и представительной демократии. В демократическом обществе легитимация государственной власти основана на комбинировании «чистых» типов легитимации. Обеспечение легитимности власти является своеобразным показателем соблюдения народного суверенитета. В этом контексте интерес представляет постановление Конституционного Суда Польши от 19 декабря 2002 г., опубликованное в «Собрании законодательства Польши» 8 января 2003 г. Польский орган конституционной юстиции пришел к заключению, что «Польский Комитет Народного Освобождения не может считаться конституционным институтом суверенного государства, имеющим соответствующую демократическую легитимность и могущим независимо принимать решения от имени государства». В последующем этот тезис был использован при рассмотрении жалобы гражданина Польши Ежи Брониовски (Jerzy Broniowski) против Польши (жалоба № 31443/96). В постановлении Европейского Суда по правам человека от 22 июня 2004 г. (Большая Палата) позиция международного судебного органа восприняла тезис польского органа конституционной юстиции.

Проблему легитимности государственной власти можно разложить на две составные: легитимность первоисточника государственной власти и легитимность реализующих государственную власть субъектов (структуры гражданского общества, органы государственной власти). Легитимность первоисточника власти (властвующего субъекта) находит отражение и юридическое закрепление в конституции страны.

Легитимность реализующих государственную власть субъектов определяется дифференцированно. Общим требованием является обращение к первоисточнику власти, что должно обеспечить реализацию воли последнего при реализации власти.

Сгруппировав отдельные теоретические положения обоснования легитимности, можно выделить два концептуальных подхода:

- обоснование легитимности власти посредством соблюдения принципов демократии;
- обоснование легитимности власти посредством категорий и ценностей национализма.

Исторически национализм выступал как фактор «перехода» от «нисходящих» концепций суверенитета к «восходящим». Иными словами, национализм начинается с перехода от династического к народному суверенитету, от Божьей милости к воле народа. Национализм сыграл свою роль в распространении идей народовластия и принципа недопущения узурпации власти¹⁷. Именно дискурс вокруг проблемы суверенитета определяет содержание национализма. В этой связи Э. Винсент отметил, что «национализм, несмотря на все его высокопарные разглагольствования об идентичности, не располагает языком для выражения этой идентичности, кроме рутинных разговоров о суверенитете. Без этого дискурса вокруг суверенитета он был бы банкротом»¹⁸. Национализм является основанием для традиционного типа легитимации публичной, в том числе и государственной, власти.

С начала XX в. институт народного суверенитета стал господствующим принципом легитимации государственной власти. В связи с чем, широкое распространение получили идеи конституционализма. Сам термин «конституционализм» появился в американской политико-правовой мысли в конце XVIII – начале XIX вв. Деятели американской революции и основатели Конституции США 1787 г. выделяли им верховенство писаной конституции над издаваемыми законами и иными правовыми актами¹⁹.

Примечания

1. *Силин А.* Философия и психология власти // Свобод. мысль. 1995. № 12. С. 34.
2. *Подорога В. В.* Власть и познание. Власть. Очерки современной философии Запада. М. : Наука, 1989. С. 207.
3. *Орландо В.* Принципы конституционного права. М., 1898. С. 11.
4. *Чичерин Б. Н.* Собственность и государство. 1883. Т. 1. С. 180.
5. *Шевцов В. С.* Государственный суверенитет (вопросы теории). М. : Наука, 1979. С. 19.
6. *Котов А. К.* Государственный суверенитет Республики Казахстан: политико-правовой анализ становления и проблемы национально-государственного развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Алма-Аты, 1994. С. 28.
7. Конституционное (государственное) право России : учеб.-метод. комплекс / сост. Н. А. Александрова. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2005. С. 138.
8. *Чиркин В. Е.* Конституционное право зарубежных стран. М. : Юрист, 1997. С. 123.
9. *Безуглов А. А.* Суверенитет советского народа. М., 1948. С. 19.
10. *Марченко М. Н.* Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. 2003. № 1. С. 190–196.
11. *Шевцов В. С.* Государственный суверенитет (вопросы теории). М. : Наука, 1979. С. 13.
12. *Ушаков Н. А.* Суверенитет и его воплощение во внутригосударственном и международном праве // Моск. журн. междунар. права. 1994. № 2. С. 7–9.
13. *Вайнберг А. В.* Легальность, легитимность, легитимация и делегитимация государственной власти: соотношение понятий // Современные проблемы государства и права : материалы науч.-практ. конф. Ч. 1. Н. Новгород, 2003. С. 51.
14. *Атаманчук Г. В.* Теория государственного управления. М., 1997. С. 36.
15. *Чуликова С. Ю.* Политическая коммуникация как ресурс легитимности законодательной власти субъекта Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. С. 10.
16. *Турсункулов А. Б.* Национально-культурная легитимация и легализация институтов российской государственной власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2006. С. 8.
17. *Snyder J.* From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict. N. Y., L. : W. W. Norton & Company, 2000. P. 15.
18. *Vincent A.* Nationalism and Particularity. Cambridge Univ. Press. 2002. P. 36.
19. *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 370.